

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Лора Липпман

О чем молчат мертвые

Москва
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л61

Laura Lippman

WHAT THE DEAD KNOW

Copyright WHAT THE DEAD KNOW
© 2007 by Laura Lippman

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

Липпман, Лора.

Л61 О чем молчат мертвые / Лора Липпман ; [пер. с англ. А. Сиськовича]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-04-004117-6

Однажды две сестры-подростка, Санни и Хизер, не вернулись домой. Исчезли без следа. Долгие годы их безуспешно разыскивала полиция, и даже родители девочек уже перестали надеяться вновь увидеть своих дочерей... И вот, спустя тридцать лет, в полицию попала женщина, сделавшая сенсационное признание: она – Хизер, одна из пропавших много лет назад сестер. В участок на опознание срочно приехала ее мать. И тут начались странности. Арестованная рассказала о таких деталях детства двух сестер, которые, казалось, давно должна была забыть, а вот действительно важные вещи не помнила напрочь... Хизер ли это? А если нет – то кто она и зачем выдает себя за нее?..

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Сиськович, перевод
на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-004117-6

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем.

Еккл. 9:5—6

Глава 1

У нее засосало под ложечкой, как только она увидела водонапорную башню, которая возвышалась над безмолвными голыми деревьями, словно космический корабль, зависший над землей. Когда они играли здесь в детстве, эта башня была очень важным, хоть и не самым главным ориентиром в игре. В ней не было ничего примечательного, но стоило им заметить белый диск на одной из ее опор, как они тут же настораживались, будто бегуни, готовые с низкого старта что есть сил броситься к финишу. На старт, внимание, а вот и он...

Правда, вначале это не было игрой. Она пыталась найти тот притаившийся рядом с кольцевой автострадой универмаг, чтобы хоть немного скрасить разнообразие двухдневного путешествия обратно из Флориды. Насколько она помнила, почти каждую зиму они ездили этим маршрутом на каникулы к бабушке, несмотря на то что ни одному из членов семьи эта поездка не приносила радости. Бабушкина квартира в Орландо была очень тесной, в ней стоял ужасный запах, ее собачонка постоянно лаяла, а угощение было просто несъедобным. В этом доме все были несчастны, даже отец, нет, *особенно* отец, хотя он и пытался изо всех сил делать вид, что рад погостить у матери, и всегда жутко обижался, когда кто-то вслух выражал мысль о том, что бабушка была немного жадной, странной и озлобленной, хотя она, бесспорно, была именно такой. И все-таки даже отец

не мог скрыть чувство облегчения, когда они с каждой милей уезжали все дальше и дальше от ее дома. Стоило им проехать мимо таблички с названием очередного штата, как он принимался весело напевать себе под нос. «Джорджия»¹, — мычал он в тон Рэю Чарльзу. На ночь они оставались здесь, в богом забытом придорожном мотеле, а затем не успевало еще взойти солнце, как они снова отправлялись в путь и вскоре добирались до Южной Каролины, и отец начинал насвистывать «*Нет ничего лучше!*»². А дальше лежала длинная, долго тянущаяся дорога по Северной Каролине и Вирджинии, где единственными развлечениями были завтрак в Дареме и пляшущие пачки сигарет на билбордах при выезде из Ричмонда. И, наконец, Мэриленд, милый Мэриленд. До дома оставалось всего каких-то пятьдесят миль, или около часа езды. Правда, теперь из-за бескрайних пробок ей пришлось ползти по трассе почти вдвое дольше, но затем пробка начала постепенно рассасываться и стало возможно прибавить газу.

А вот и он...

«Хацлер» в свое время был крупнейшим универмагом в городе, и именно он открывал рождественский сезон, когда на его крыше появлялся картонный дымоход с балансирующим на одной ноге Санта-Клаусом. Она так и не решила, что делал дух Рождества — только собирался пробраться внутрь по трубе или уже выбрался наружу? Но она привыкла ориентироваться по этому красному пятну, которое подсказывало, что дом уже близко, подобно тому, как опытный моряк определяет по птицам, что берег совсем рядом. Это был ее тайный ритуал, наподобие подсчета прерывистых линий дорожной разметки, одна за другой исчезающих под колесами машины, — это был ее способ справляться с тошнотой

¹ Отсылка к песне Рэя Чарльза «Georgia on my mind», то есть «Думаю о Джорджии» (штат в США).

² «Нет ничего лучше, чем утро в Каролине» — строка из песни «Carolina in the Morning».

от укачивания, которую она даже с возрастом так до конца и не преодолела. Даже сейчас она ехала, стиснув зубы и изо всех сил пытаясь сохранить молчание, чтобы не поддаться старой привычке, которая делала ее такой же странной, как, скажем, ее бабушка. Или, если быть еще более честной, как отец. И все-таки однажды с ее губ радостно и неожиданно, как очередной тайный диалог с собой, случайно произнесенный вслух, сорвались эти слова: «А вот и «Хацлер»!»

В отличие от матери и сестры, отец быстро уловил смысл этого ритуала. Он, казалось, всегда понимал скрытый смысл ее слов. Это утешало, пока она была маленькой, но когда подросла, начало пугать. Отец настоял на том, чтобы превратить ее личный салют в игру, в соревнование для всей семьи. Вообще он любил брать что-то личное и делать это всеобщим достоянием. Это был жуткий приверженец длинных, нудных разговоров в кругу семьи, которые он называл «доверительными беседами», а также незапертых дверей и хождения по дому в трусах, хотя мама быстро отучила его от этой привычки. Если кто-то из членов семьи пытался что-то утаить — будь то кулек конфет, купленный на свои собственные деньги, или какие-то неприятные эмоции, — отец тут же обвинял его в скрытности. Он обязательно усаживал «провинившегося» перед собой, смотрел ему прямо в глаза и начинал читать длинную нотацию о том, что семья — это кое-что другое. Семья — это команда, это единое целое, почти как страна, которая до конца существования остается верна своим традициям.

— Мы не пускаем в дом незнакомцев, — говорил он, — но для семьи наши двери всегда открыты.

В конце концов отец украл ее ритуал говорить: «А вот и «Хацлер»!» и подстегивал всех бороться за право сказать это первым. Как только остальные члены семьи приняли эту игру, последние несколько миль дороги они проезжали в невыносимом напряжении. Сестры, пристегнутые ремнями безопасности, которыми

в те времена пользовались только для дальних поездок, вытягивали шею, ерзали на своих местах и неустанно наклонялись вперед, пытаясь первыми увидеть универмаг. Так оно было в те дни: ремни безопасности только для дальних поездок, никаких велосипедных шлемов, скейтборды из необструганной доски и старых роликовых коньков... Придавленная ремнем безопасности, она чувствовала, как у нее начинало сосать под ложечкой и как бешено колотилось ее сердце — и все ради чего? Ради мнимой чести первой сказать вслух то, что уже давно крутилось у нее в голове. Как и во всех придуманных отцом играх, здесь не было ни наград, ни смысла, поэтому она продолжала делать то, что делала всю жизнь: притворялась, что ей все равно.

Но теперь она ехала одна. Стоит захотеть — и она тут же сможет одержать эту хоть и бессмысленную, но все-таки победу. Как и в прежние времена, ее желудок снова сделал сальто, хотя того магазина уже давно не было, да и все в этом когда-то таком знакомом месте изменилось. Изменилось и, конечно же, потеряло всю свою ценность. На месте «Хацлера» теперь стоял безвкусный «Вэлю Сити», а отель «Кволити Инн», раньше находившийся напротив него на южной части шоссе, превратился в склад. Отсюда не было видно, осталось ли на перекрестке кафе «Говард Джонсонс» — уютное местечко, куда каждую неделю съезжались десятки семей на ужин из жареной рыбы, — но она в этом почему-то сильно сомневалась. Неужели кафе «Говард Джонсонс» больше нет? А есть ли она сама? И да, и нет.

Дальнейшая ее судьба изменилась буквально за несколько секунд. «Если подумать, так всегда и происходит», — скажет она немногим позже на допросе. *Ледниковый период ведь тоже можно измерить секундами, просто их было намного больше.* О, она знала, как при необходимости понравиться людям, и хотя в данном случае эта тактика была необязательна для выживания — трудно перебороть свои привычки. Следова-

ли изо всех сил изображали на лице раздражение, но она знала, что ей удалось произвести на них желаемый эффект. К тому времени ее описание типичной автомобильной аварии превратилось в захватывающий рассказ...

Терзаемая странными чувствами, она смотрела вправо, на восток, пытаясь вспомнить знакомые с детства места и совсем позабыв старое предостережение: *мосты замерзают в первую очередь*. Вдруг руль начал выскользывать у нее из рук, а машина, потеряв сцепление с дорогой, покатила в сторону, хотя гололеда еще не было и в помине и тротуары были совершенно сухими. Позже она узнает, что это был не лед, а машинное масло, оставшееся на дорожном покрытии после предыдущей аварии. Разве она могла разглядеть в мартовских сумерках огромное пятно — результат невнимательности бригады людей, которых она никогда в жизни не встречала? Тем вечером где-то в Балтиморе сотрудник дорожной службы садился ужинать, даже не зная, что уничтожил чью-то жизнь, и она завидовала его неведению.

Она вцепилась в руль и ударила по педали тормоза, но автомобиль не слушался. Угловатый седан скользнул влево, двигаясь, как стрелка на тахометре. Ударившись о дорожное ограждение, автомобиль развернулся и вылетел на противоположную сторону шоссе. На мгновение ей показалось, что она совершенно одна на дороге, а остальные водители как будто застыли в благоговейным трепете. Старый «Вэлиант»¹ — это название казалось добрым знаком, а также служило напоминанием о принце Вэлианте, о борьбе которого она читала много лет назад в воскресных комиксах, — двигался быстро и грациозно, словно танцор, среди невозмутимых мирских пассажиров и водителей, возвращающихся домой с работы под конец часа пик.

¹ Модель автомобиля марки «Крайслер».

А затем, когда она снова обрела контроль над машиной, когда покрышки снова сцепились с дорогой, она почувствовала мягкий глухой удар с правой стороны. Ее машина врезалась в бок белого внедорожника, и хотя ее автомобиль был куда меньше, внедорожник заметно пошатнулся, будто слон, поваленный из игрушечного ружья. Перед ней мелькнуло лицо девочки — по крайней мере, так ей показалось, — лицо не столько напуганное, сколько удивленное от осознания того, что даже самая чистая и невинная душа может подвергнуться опасности в любой момент. На девочке были пуховик и огромные очки, которые ей явно не шли. Дополнялся этот образ ужасными меховыми наушниками. Ее рот округлился от изумления. Ей было одиннадцать или двенадцать лет, то есть как раз тот возраст, когда... И вдруг белый внедорожник медленно перевернулся и полетел в кювет.

«Мне так жаль, мне так жаль, мне так жаль» — крутилось у нее в голове. Она знала, что следовало остановиться, проверить, как себя чувствуют пассажиры внедорожника, но хор клаксонов и визг тормозов за спиной невольно подтолкнули ее ехать дальше. *Это не моя вина!* Всем ведь известно, что внедорожники часто заносит. Слабенький толчок никак не мог спровоцировать такую драматичную аварию. К тому же у нее выдался очень тяжелый день и она была уже так близка к цели. До нужного поворота оставалось меньше мили. Она все еще могла съехать на семидесятую магистраль, по которой и продолжила бы ехать на запад, к пункту своего назначения.

Но когда она оказалась на прямой, ведущей к семидесятому шоссе, то вместо того, чтобы повернуть налево, сама не понимая зачем, свернула вправо рядом со знаком «Только для местного транспорта», на ту странную, недостроенную дорогу, которую в ее семье всегда называли «шоссе в никуда». С какой гордостью родители объясняли знакомым, как добраться до их дома:

«Поезжайте на восток по междугороднему шоссе, пока оно не кончится». «В смысле? — переспрашивали приглашенные. — Как дорога может кончиться?» И отец торжественно рассказывал о том, как жители со всего Балтимора устроили акцию протеста, чтобы остановить строительство дороги и защитить тем самым лесной парк и его обитателей, а также уберечь от сноса тогда еще скромные многосемейные дома, стоявшие вокруг бухты. Это был один из немногих успехов в жизни ее отца, хотя он и не сделал ничего грандиозного: просто стал одним из тех, кто подписал петицию и поучаствовал в демонстрации. А выступить на митинге ему так и не довелось, как бы он ни хотел оказаться в этой роли.

«Вэлиант» ужасно шумел: судя по всему, это правое заднее колесо задевало о помятое крыло. В ее взволнованном состоянии лучшим решением было бы припарковать машину на обочине и идти дальше пешком, что она и сделала, несмотря на начавшийся дождь со снегом. С каждым своим шагом она понимала, что что-то не так. Ребра болели так сильно, что каждый вдох был похож на удар в легкие крошечным ножом. Она едва могла нести свою сумочку так, как ее всегда учили — не раскачивая на руке, а плотно прижав к телу, чтобы не искушать лишний раз грабителей и воров. Она ехала не пристегнувшись, и ее изрядно покидало по салону «Вэлианта» во время аварии: она несколько раз приложилась о руль и о водительскую дверь. На лице у нее была кровь, но было непонятно, откуда она шла. Из рта? Со лба? Ей было одновременно холодно и жарко, а перед глазами у нее плясали черные звезды. Нет, не звезды. Скорее развевающиеся треугольные флажки, подвешенные на телефонных проводах.

Не прошла она и десяти минут, как рядом с ней остановилась патрульная машина.

— Это ваш «Вэлиант» там, на обочине? — крикнул полицейский, опустив окно с пассажирской стороны, но не высываясь при этом из машины.

Ее ли это машина? Трудно сказать. Вопрос был куда сложнее, чем могло показаться молодому офицеру. И все-таки она кивнула.

— Можно взглянуть на ваши документы?

— Разумеется, — сказала она и полезла в сумочку, но кошелек там не оказалось. Она рассмеялась, осознав, как выглядит со стороны. Ну конечно, у нее нет с собой документов, даже водительских прав нет. — Простите, я... — Она не могла удержаться от смеха. — Я их потеряла.

Он вышел из машины и попытался забрать ее сумочку для обыска, но женщина закричала. Причем крик напугал ее саму больше, чем полицейского. Все дело было в том, что, когда он попытался снять с ее руки сумочку, по ее предплечью прокатилась волна боли. Патрульный нажал кнопку на рации, которая висела у него на плече, и вызвал помощь. Он нашел в сумочке ключи от «Вэлианта», положил их к себе в карман, а затем отошел к машине, пошарил в бардачке, вернулся и встал рядом с ней под ледяным дождем, который уже разошелся в полную силу. Он пробормотал ей что-то, но она не поняла, что именно, и остаток времени они провели в молчании.

— У меня сломана рука? — спросила она.

— Это пусть врачи решают, как только мы доставим вас к ним.

— Ну уж нет! Никуда я не поеду.

Ее прервал отдаленный шум вертолета. *«Мне так жаль, мне так жаль, так жаль»* — снова и снова крутились слова в ее голове. Но она ни в чем не была виновата.

— Это не моя вина. Я не справилась с управлением... но я правда ничего такого не сделала...

— Я ведь зачитал вам ваши права, — ответил полицейский. — Все, что вы ни скажете, может быть использовано против вас. Хотя и так ясно, что вы сбежали с места аварии.

— Я поехала за помощью.

— Эта дорога заканчивается на пригородной стоянке. Если вы действительно хотели помочь тем людям, вы бы остановились или как минимум поехали бы по Секьюрити-бульвару.

— Рядом с Форест-парк есть старая аптека «Виндзор Хиллс», а еще небольшой отель «Виндзор Милл». Я думала, смогу позвонить оттуда.

Она видела, что застала своего конвоира врасплох: он не ожидал, что ей известны точные названия и так хорошо знакома эта местность.

— Не знаю насчет аптеки, хотя там вроде бы есть заправка, но... разве у вас нет мобильного?

— Личного — нет, я пользуюсь им только на работе. Просто я не покупаю вещи, пока их не доведут до совершенства и они не будут работать как следует. Сотовая связь часто обрывается, поэтому большую часть разговора людям приходится едва ли не орать в трубку, чтобы их услышали, а я не хочу, чтобы все знали, о чем я разговариваю по телефону. Когда мобильники станут работать так же хорошо, как стационарные телефоны, — вот тогда я, пожалуй, и приобрету себе такой.

В голове у нее эхом звучал голос отца. Столько лет спустя она все еще его помнила, и этот голос был так же отчетлив, как всегда. *«Ни за что не покупай новозобретенную электронику. Регулярно затачивай ножи. Ешь помидоры только в сезон. Заботься о своей сестре. Однажды мы с вашей матерью отойдем в мир иной, и вы останетесь друг у друга одни».*

Патрульный с серьезным видом рассматривал ее, словно послушный малыш, который благоговейно смотрит на сверстника-плохиша. Его подозрительность к ней выглядела нелепой. При таком свете, в такой одежде и с мокрыми, облепленными снегом волосами она, вероятно, выглядела моложе своего настоящего возраста. Обычно люди давали ей на целых десять лет меньше, чем ей было на самом деле, даже в те редкие дни, когда она красилась и надевала платье. А в прошлом году она